

Шел 2241 год...

ГЛАВА 1

Никогда не верь в подарки судьбы.
Если не приходится вырывать их зубами —
они невкусные.

N.N.

Джейн Доусон

— Старший сержант Джейн Доусон по вашему распоряжению прибыла!

— Вольно, сержант, — усмехнулся полковник. В кабинете никого, кроме нас, не было, и он мог позволить себе некоторые вольности. Так сказать, на правах старого приятеля семьи. — Присаживайся, пожалуйста.

Я почувствовала, как засосало под ложечкой. Во-первых, когда тебя срочно вызывает старший по званию, да еще в личный кабинет, для закрытого разговора — жди беды. А когда он еще и улыбается при этом — вообще жди катастрофы. Почему-то на ум сразу пришла недавняя беседа с любимой мамочкой. И коленки затряслись от страха — меня все-таки выдают замуж?!

— Что с тобой? — удивился полковник. — Хочешь воды?

Я мотнула головой.

— Ты выглядишь бледной, — продолжал беспокоиться мэтр Сингур. — А ведь у меня отличная новость.

Точно. Замуж! Я представила себя в алом подвенечном платье, с семейным ошейником на шее и молча выхватила предложенный стакан. Пить не хотелось. Хотелось утопиться.

— Итак, — с радостной улыбкой начал мэтр. — Ты уже двадцать три года служишь в нашей организации, восемь из которых — на должности руководителя группы.

Прекрасно... вспомнил о возрасте. Прямо как мама... наверное, она инструктаж проводила. «Тебе шестьдесят шесть, Джейн! Ты восемь лет как совершеннолетняя, Джейн!» Мо-

жет, намекнуть, что я все это уже раз двести слышала, и пора переходить к сути? Так сказать, твердой рукой забивать в крышку моего гроба последний гвоздь?

— И у тебя еще ни разу не было пополнения... — продолжил полковник. Я малость зависла — это он сейчас о чем? Вряд ли мама одобрила бы такой поворот сюжета. У нас как бы традиция — сначала ошейник, потом пополнение. Чую, без папиной лапы здесь не обошлось. — Поэтому было принято решение... — все, мне плохо... — что с завтрашнего дня... — переодеться хоть дайте, изверги! — у тебя новый член в команде.

Кажется, мои глаза стали размером с луну.

— Что? — переспросила я в надежде, что речь идет все-таки о браке, а я просто каким-то образом не успела вникнуть в суть разговора.

— Он пробудет с вами недолго. От трех до шести месяцев, в зависимости от ситуации. Несколько боевых заданий, и...

— Но это невозможно, — почти спокойно заявила я. «Почти», потому что даже на гладкой полированной двери шкафа за спиной полковника отразились мои огромные черные, как две капли смолы, зрачки.

— Джейн, — Сингур на мгновение закрыл глаза, и я почувствовала, как меня накрывает волна умиротворения. Обычно я позволяла мэтру эмпатически влиять на свое сознание... хотя слово «позволяла» здесь не слишком подходит. Он старше по званию и действует в пределах своих полномочий. Но в этот момент все мое звериное естество было категорически против постороннего вторжения — как на территорию Дома, так и на границу нервных клеток. Полковника вышвырнуло с такой силой, что он даже на стуле откинулся. И посмотрел на меня ласковыми зелеными глазами голодного вурдалака. Я мрачно нахмурилась, готовясь гордо принять любое наказание — от гауптвахты до трибунала. Но, вопреки ожиданиям, мэтр быстро взял себя в руки и миролюбиво продолжил:

— Сержант Джейн Доусон, — ага, не так и миролюбиво. — Вы обязуетесь принять в группу и оказывать всяческое содействие майору Фенриру Танту.

В этот момент, наверное, на моем лице отразилась высшая степень отчаяния, потому что полковник не выдержал.

— Джейн! — воскликнул он. — Все рано или поздно принимают в группу стажеров!

— Но моя группа особенная!

— Именно поэтому майор присоединяется к вам. У тебя есть уникальный опыт, и ты должна им поделиться.

Я обреченно обратилась к последнему аргументу:

— Где же это видано, чтобы стажер был по званию выше руководителя?

— Могу тебе гарантировать, что на твои решения он влиять не будет. Ему, прежде всего, интересны способы создания подобного симбиоза. Так что в его интересах занять положение стороннего наблюдателя. Другими словами, лорд Фенрир переходит в твоё полное распоряжение.

— Лорд? — переспросила я. — Он аристократ?

— И даже больше, — загадочно улыбнулся полковник. — Он аристократ одной с тобой крови. Это было ещё одним аргументом, чтобы зачислить в твою группу именно его.

Мне показалось, будто мэтр только что выбил из-под меня стул. Интересно, он сам-то понимает, в какое положение ставит меня своим приказом? Или это — очередная гениальная идея мамы, и я все же должна разглядеть здесь пушистый хвост свадебной делегации? О, если это так, она даже не представляет, как сильно просчиталась!

Я вышла из кабинета мэтра Сингура с потными ладошками и страстным желанием потребовать отпуск. А лучше — отставку. Я знала, что однажды разношерстность моей группы приведет к чему-то подобному. Но не думала, что вместо проверки из Генштаба получу оборотня на соседнюю койку...

Меня, как вы уже, вероятно, поняли, зовут Джейн Доусон. Мои родители никогда не отличались особым воображением. Была бы я мужчиной — звалась бы Джоном. А если бы при этом родилась в Англии — Джоном Брауном. Ну а для американки более характерного имени, чем Джейн, и сыскать-то невозможно. Оно вообще идеально подходит — короткое, легко запоминающееся и ничем не примечательное — самое то для военного.

Обычно дети мечтают стать врачами или космонавтами. Я же, сколько себя помню, ездила в танках, прыгала с парашютом и стреляла из пневматического пистолета. Не то чтобы мне это так уж нравилось — просто выбора особо не было. Когда твой отец — генерал, а комплект старших братьев разобрал звания от капитана до полковника, вопрос о том, кем станет единственная дочь и сестра, отпадает сам собой. Либо женой и матерью, что по моему собственному убеждению категорически мне не подходит, но на чем до сих пор с завидным упорством продолжает настаивать моя мать, либо солдатом.

Я пошла в армию, когда мне исполнилось четырнадцать. В этом возрасте еще можно бегать на четвереньках и таскать гранаты в зубах — благо, все расы обучаются отдельно, и шокком моя мохнатая спинка ни для кого не была. Оборотни в четырнадцать — те еще щенки. Как вспомню — вздрагиваю: энергия бьет ключом, зубы режутся и ноют так, что по ночам грызешь уворованные где-то кости, а глаза светятся в темноте, словно два мощнейших прожектора. Один откроется — и ощущение такое, что солнце встало.

Я вообще очень типичный оборотень. Даже позывной у меня — «Волк». Нет бы назвать «Сиренью» или «Незабудкой». Размечталась... «Волк»! И о какой конспирации в этом случае может идти речь? Впрочем, куда правду деть — будь я хоть «Единорогом», оборотня во мне признал бы даже слепой. Черные волосы всегда топорщатся, а потому каре с длинными передними прядями напоминает куст. При этом такой лохматый, что в последний раз парикмахер доказывала мне, что длина прядей одинаковая, со слезами на глазах и линейкой в руке. Я даже когда-то пыталась сделать дреды, чтобы хоть как-то уложить волосы... но после обращения глянула на себя в зеркало — и больше не пытаюсь. Но хоть бы какой гель на них действовал, что ли! Иногда кажется, что у меня дикобраз в предках был — даже коса не может стянуть это «стоячее» безобразие. Поверьте — я пробовала!

Но волосы — это еще не самая большая проблема. И дело даже не в треугольном лице с острым подбородком и высокими, хорошо очерченными скулами. Дело в глазах. Оборотни — единственная раса, так и не научившаяся придавать

зрачкам хоть какой-то благообразный вид. Большие, с опущенными внутренними краями, в обрамлении пушистых длинных ресниц, в которых запутается любая щеточка для туши, мои глаза могли бы очаровывать, если бы не пугали так сильно. Увы, в состоянии стресса зрачок увеличивается до совсем неприличных размеров — и все глазное яблоко становится абсолютно черным. В состоянии спокойствия дела обстоят не многим лучше. Конечно, я уже не ребенок, а потому не напоминаю уникальный светильник с лампочками в глазницах, но желтые волчки «гляделки» среднестатистическому человеку внушают ужас. А уж ночью, когда они хоть и не очень сильно, но все же светятся, — вообще панику. Другими словами, с солнцезащитными очками я не расстаюсь даже в самых темных переулках самой безлунной ночью... чувствуя себя при этом уже не монстром, а просто душой.

Зато у меня с такими генами была практически стопроцентная гарантия сделать карьеру в армии. И вовсе не благодаря папиным связям — он у нас тот еще уникал. Всегда считал, что дети должны сами пробивать себе дорогу в жизни. Забыл уже, с каким скрипом дед отстаивал право сыночка на первое звание...

Оборотни считаются лучшими руководителями. Хотелось бы сказать, что из-за большого ума, но, увы, все намного прозаичнее. У нас хорошо развито чувство коллективизма. Другими словами, мы единственная раса, способная найти общий язык даже с гарпиями. Ни лесавки, ни водяницы, ни дриады такого не могут — ни у кого в крови нет этого умения сплотить и повести за собой. Что уж говорить — они и внутри своих семей редко ладят... В нашей организации вообще почти все группы возглавляют оборотни. Волки никогда не приходят сюда обычными рядовыми. На них всегда смотрят как на будущих офицеров. Все мои старшие братья в свое время управляли отрядами... но я могу сказать наверняка, что ни один из них не добился таких потрясающих результатов, как я.

Ведь моя группа уникальна. И не только потому, что ее возглавляю я — единственная волчица-руководитель в организации. Это отряд, куда входят суккуб, водяница, змеелюд,

мистик, хамелеон, заклинатель и баньши. Семь рас! Считаю меня — восемь. Пять из которых — инопланетные. Никто еще не мог собрать подобную группу. И как это удалось сделать мне — великая тайна бытия. Но вот уже восемь лет эта сборная солянка успешно выполняет возложенную на нас миссию.

«Какую?» — спросите вы.

«Самую что ни на есть геройскую!» — отвечу я, лихо перебросив за спину винтовку. Ибо организация наша называется красивым словом «МАРАП» и расшифровывается как «Межгалактический альянс, призванный контролировать соблюдение межрасового и межгалактического права на пятидесяти восьми союзных планетах». А мы все — оборотни, дриады, инкубы и другая, призванная на военную службу нелюдь — изо дня в день спасаем мир и защищаем Закон. Только в человеческие дела не вмешиваемся.

Почему?

Ну, это сложный вопрос. Сильно политический, наверное. Люди... они ведь такие странные! За три сотни лет, с тех пор, как впервые вышли в космос, освоили почти шестьдесят планет. И семь раз за них воевали. Четыре раза — между собой, что странно вдвойне. А еще — до сих пор думают, что главные во Вселенной. Типа гуманоиды — высшая форма эволюции. Смешно, конечно, но мы не спорим. При всей своей физической слабости и нежелании замечать очевидные факты люди бывают поразительно изобретательны. Особенно когда дело касается научно-технического прогресса и военной машины. Сражаться с ними — занятие неблагодарное и пахнущее мазохизмом. Тем более когда есть другой путь.

Мы ведь всегда жили бок о бок: человечество и нелюди. Мы научились быть очень похожими. Выглядеть как люди, говорить как люди, даже думать как люди. Но сейчас ситуация изменилась — далеко не все жители иных миров обладают телом человека или хотя бы на время могут принимать его обличье. Через столько веков людям наконец пришлось принять факт существования иных форм жизни. Но они до сих пор не подозревают, что эти самые «иные» всегда были рядом с ними. Они с ужасом смотрят на другие планеты, не

зная, что за соседней дверью скрывается нелюдь куда опаснее. И в том, чтобы они никогда об этом не догадались, как раз и заключается задача МАРАП. Сохранить баланс между миром людей и тем, который вынужден скрываться в тени. Заставить сосуществовать столь непохожие существа. И добиться того, чтобы никто из них — жителей совершенно разных миров — не нарушал единый Закон, призванный гарантировать безопасность и покой пятидесяти восьми союзных планет.

Я вошла в кабинет, посмотрела по сторонам и крепко задумалась. Фенрир Тант — сколько пафоса в одном имени! Типичный аристократ. Странно, что я сразу не догадалась.

— А не Танты ли были в оппозиции к Эргадисам на последних выборах? — пробормотала себе под нос и подошла к столу. — Компьютер. Поиск «Фенрир Тант». Результат на панель.

Да, я знаю, что люди уже давно не пользуются такой древностью, как голографические панели. У них в моде модификации с хрусталиком, чтобы картинка подавалась сразу в мозг. Да и не только с хрусталиком — сейчас редко встретишь чистокровного человека без механических улучшений. Я даже с ходу не могу придумать часть тела, куда еще ничего не додумались вживить. И зачем, скажите, надо было принимать закон о запрете создания роботов образца «гуманоид», если сами люди уже ничем от дронов не отличаются?

Может, и мы бы не отличались, если бы не одно крупное «но»: второе обличье. Вы когда-нибудь задумывались, сколько стоит изменить хрусталик таким образом, чтобы он одновременно подошел и человеку, и волку? А я узнавала. Когда расчеты дошли до размера моей годовой зарплаты, об идее пришлось забыть. Зато какими экономически привлекательными сразу показались голограммы!..

Я подняла глаза на экран: м-да... не сильно этот нелюдь шифруется. То ли глупый, то ли, наоборот, сильно умный, раз считает, что сумеет таким образом себя не выдать. И это ведь он даже не политик. Так только — вхож в семью. Предлагаю, что было бы, участвуй он в предвыборной гонке!

— Компьютер. Поиск «Биография. Фенрир Тант». Результат на панель.

Ого! Да тут читать — не перечитать...

За спиной с легким шорохом открылась дверь, но звука шагов не последовало. Я, с головой окунувшаяся в жизнеописание своего нового подчиненного, удивленно нахмурилась: с крылышками в моей команде не было никого. А сюда мог попасть либо кто-то из группы «Охотников», либо Сташи, военный медик с отдельным доступом. И моя подруга по совместительству, с которой мы как раз сегодня договорились встретиться. Я потому и решила, что это она. Своих охотников я бы сразу узнала, а Сташи хоть и была человеком, но любила экспериментировать с ядреными духами. Унюхать ее с таким хобби было практически невозможно. Хотя нет, не так. Унюхать ее было как раз легко. Опознать сложно. Вот и сейчас от Сташи воняло чем-то посторонним. Травой, шерстью и мужским одеколоном. Тоже не фонтан, но однозначно лучше, чем духи с запахом ливерной колбасы, которыми она надушилась в прошлый раз.

— Что, новые предпочтения? — со смешком уточнила я, отрывая взгляд от панели.

— Нет, леди, — ответили из-за спины. — Все те же. В соответствии с биографией.

«Все-таки Сингур — сволочь!» — мысленно констатировала я и неспешно обернулась, стараясь выглядеть так, будто совсем не удивлена появлением незваного гостя. Раздражена — возможно, но на то были причины. В этот кабинет пропуск должна выдавать только я! А не стареющий полковник-маразматик, единственным достоинством которого является то, что он чудо как хорош в деле управления эмоциями. Это, конечно, не редкость для волков — мы все рождаемся с талантом эмпатии, но, как и любой талант, его нужно развивать. А вот на это терпения хватает далеко не каждому. Сингур в свое время постарался — теперь вот на пенсию никак не отчалит. И в вотчину мою, щедрая душа, пускает кого попало.

— Вы еще не представлены группе, лорд, — не слишком вежливо заявила я. — Пока вам здесь нечего делать.

Он очень странно улыбнулся — одним только правым

уголком губ. Настолько по-человечески, что мне стало завидно. Вот что значит — родиться аристократом. Мои губы так изгибаться отказывались наотрез.

— Именно поэтому, леди, я и не вошел внутрь, — объяснил он тот факт, что до сих пор стоял на пороге.

Обращение резануло по уху. Мой зрачок опять стал увеличиваться в размерах, но я быстро взяла себя в руки. Даже отказалась от желания молча закрыть дверь перед его носом и вернуться к чтению. Здравый смысл уберег. Ведь умные нелюди не ссорятся со старшими по званию. Особенно с теми, с кем придется прожить бок о бок от трех до шести месяцев. Потому я махнула рукой и без особого радушия сказала:

— Проходите, раз вы уже здесь. Будем знакомиться. — Я первая протянула ладонь для рукопожатия. — Меня зовут Джейн.

— Я в курсе, — ответил мужчина, крепко сжимая в пальцах мою руку. — Читал файл. Я — Фенрир.

Скрипнула зубами: он даже не пытался скрыть своего превосходства! Мне вот личный файл Танта не доверили, сославшись на низкий уровень доступа. Отделались краткими фразами типа «не был, не состоял, не привлекался». А ему, значит, выдали обо мне все. Гады!

— На фотографии вы симпатичнее, — мстительно отметила, кивая на панель за спиной. Фенрир растянул губы в улыбке, продолжая буравить меня пристальным взглядом голубых глаз. Голубых! Он даже мог изменить цвет радужной оболочки! Ну как так-то?!

— Повезло со стилистом, — легко согласился мужчина. Сладко ослабилась в ответ:

— Понимаю. Хороший стилист способен сделать красавицу даже из Лохнесского чудовища. — Фраза была не моя — ее часто повторял наш со Сташи друг Даник, который как раз и работал стилистом в модном женском журнале. Но, согласитесь, прищлась она кстати.

А может, и не совсем.

— Вам виднее, — ответил Фенрир и отпустил мою ладонь. Стиснула зубы, досчитала до десяти.

«Он — майор, Джейн! — строго напомнила сама себе. —

К тому же аристократ. А значит, шовинист. И сволочь. Но ты вытерпишь, потому что у него есть возможность испортить жизнь не только тебе, но и твоей команде! Три месяца, Джейн. Еще только три месяца!»

Подействовало. Я разжала кулаки и вернулась к столу.

— Компьютер. Создать новый пропуск. Имя «Фенрир Тант».

Мужчина встал рядом и скрестил руки на груди с таким видом, будто позировал для скульптуры Чингисхана, оглядывающего свои нескончаемые владения. И я просто не смогла сдержаться.

— Уровень доступа — первый! — заявила с непроницаемым лицом. — Чтобы вы больше не стояли в дверях, лорд.

Вместо этого он сможет пройти в кабинет, сесть в креслице и подождать, пока приду я. Что меня вполне устраивало. Фенрир это тоже понял, но виду не подал. Только кивнул, как бы соглашаясь, что это мое право — пытаться его в чем-то ограничить, и перешел к тому, за чем явился:

— Я бы хотел пообщаться с группой. Когда это можно сделать?

«Никогда!» — громко ответил мой инстинкт самосохранения.

— Завтра в девять утра у нас сборы, — вежливо сказала вслух. — Приходите.

«Но рады вам не будут!»

Фенрир внимательно посмотрел в мое лицо, на котором, похоже, отразилась какая-то степень злорадства, хотя я очень старалась этого избежать, и с толикой удивления спросил:

— Как? Разве у вас нет заданий для выполнения, если вы уже неделю находитесь здесь, на базе?

Захотелось воскликнуть: «О боже! Вы узнали нашу страшную тайну! Желание отсидеться в тылу, пока вокруг творится дьявольский треш!» — но я опять умудрилась сдержаться.

— Мы не штурмовой отряд, лорд, — объяснила то, что он и без меня прекрасно знал. — Нас не посылают на передовую. Мы охотники. Нас привлекают, когда нужно кого-то выследить и доставить по назначению. Живым.

Он посмотрел на меня немного снисходительным взглядом, но я стойко его выдержала. Привыкла уже. На меня так восемь лет смотрят. Те, кто считает, что моя группа могла бы выполнять куда более интересные задачи (конечно, с их точки зрения). Ничего, обломаются! Когда я только начала собирать команду, у меня было требование — иметь право «вето» и самостоятельно выбирать миссии. Тогда никто не верил, что мне удастся привлечь на свою сторону хотя бы кого-то не из волков (а волки под руководством самки служить все равно не захотели бы), и разрешение дали. Теперь поздно локти кусать, потому что я от своего права не откажусь!

— Я надеялся, вы сможете рассказать мне что-то о группе до нашей личной встречи, — решил зайти с другой стороны хитрый Фенрир. Я ответила вежливой улыбкой:

— Думаю, все, что я могла вам рассказать, вы уже знаете из файла.

«На-кася выкуси! — мрачно хихикнул внутренний голос. — Посмотрим, что круче — твой доступ или мое упрямство!»

— Тогда до завтра, леди, — коротко кивнул мужчина, приняв решение временно капитулировать.

— Мэтр, — поправила я. Он не ответил и не стал дожидаться, пока я попрощаюсь. Дверь плавно отъехала в сторону, выпуская его из кабинета, и так же плавно встала обратно на место. Я выдохнула и опустилась в кресло. Подумала, побарабанила пальцами по деревянному подлокотнику и решила:

— Компьютер. Набрать Сташи.

И пусть весь мир подождет — сегодня волчице нужно выпить.

До «Кабачка» я добралась, когда уже стемнело. Небольшое частное заведение находилось в пригороде и славилось крепкими напитками, неприятельской публикой и склонным к авантюрам хозяином. Он каждый день выдумывал что-то новое, так что я не удивилась, когда на входе меня остановил шкафообразный вышибала Мишай и грубым басом уведомил:

— Сегодня у нас этот... — он сверился с записью в планшете, — маскарад! Все должны быть в костюмах. Тебя как записать?

Мысленно прикинула собственный «образ»: затемненные очки, черный пиджак с воротником-стойкой, узкие брюки, берцы...

— Робокопом!

Мишай кивнул и посторонился:

— Проходи. Будешь сразу за Афродитой.

Пожала плечами, становясь за девчонкой, которая на богиню красоты была похожа ровно так же, как и я на звезду Голливуда двухвековой давности. Нас быстро проверили на наличие колюще-режущих предметов, поставили метки и пропустили в зал. Не задерживаясь, прошла к стойке: там уже сидели Сташи и Даник. Молча втиснулась между ними и поверх очков бросила требовательный взгляд на бармена. Мальчишка-полукровка понятливо кивнул и ловким движением наполнил стопку мутной гадко пахнущей жижей.

«Самогон, — узнала я. — То, что надо».

Опрокинула первую порцию и даже не поморщилась. Хорошо пошла! Жаль, на оборотней алкоголь действует слабо.

— Еще!

Сташи заерзала на стуле, Даник притих. Я тянула вторую стопочку.

«О, что-то есть!..» — с удовольствием отметила разливающегося внутри тепло и махнула бармену: наливай, не спи!

— Джейн, золотце, тебе плохо? — не выдержал Даник.

Обернула к нему мрачное лицо.

— Да, но я сейчас выхлебаю еще полбутылки, и мне станет хорошо! — пообещала, заглатывая третью рюмочку.

— Что случилось, Джейн? — теперь уже забеспокоилась и подруга. — Тебе нужна помощь врача?

— Угу, — буркнула я. — Желательно психиатра.

Сташи улыбнулась, решив, что если я пытаюсь шутить, то это — хороший знак. Наивная.

— В этом я как раз могу тебе помочь, — весело заявила она. — Липовый психиатр, скрывающийся под именем «Лучшая подруга», сделает все как надо. Рассказывай!

Я протянула бармену пустую стопку:

— Официант, тебе за что платят? Не хочу сегодня видеть дна!

— Как скажете, мэтр, — улыбнулся парень. Вот! Вот что значит профессионал своего дела! Знает, что нужно сказать,

чтобы продать свои услуги. А назвал бы «леди», я бы ему бар разворотила...

— Скажи-ка, Сташи... — Я резко обернулась к подруге. — У меня есть паранойя?

— Однозначно!

— Я серьезно.

— Я тоже!

Тут я чуток подвисла, поскребла в затылке и скосила глаза на Даника:

— Это правда?

— Сто процентов, — ответил он.

Я нахмурилась:

— И давно?

Друзья переглянулись:

— А сколько мы знакомы?

Хороший вопрос. Настолько, что захотелось не стопку опустошить, а всю бутылку махом. Хотя знакомы мы были не так долго. С Даником — чуть больше семи лет. Со Сташи еще меньше. Года четыре. С тех пор, как она устроилась ассистентом к нашему штабному стоматологу. Три года работала у него на побегушках, потом открыла свой кабинет. Теперь с гордостью называет себя военным медиком и самым наглым образом демпингует конкурентов (хоть МАРАП и содержит клинику для сотрудников, услуги докторов оплачиваются за счет наших страховок по вполне себе розничным ценам).

Я мысленно хохотнула, вспоминая нашу первую встречу: «Военный медик — ага, как же! При виде обычного волчьего клыка в обморок хлопнулась!»

Ну я же тогда не знала, что она — чистокровный человек и специализируется только на гуманоидных челюстях! Села в кресло и, недолго думая, выдала ей на-гора свое главное достояние. Хорошо, что она бормашину включить не успела, иначе я бы ей сверло вместе с пальцами откусила. Стоматологов, знаете ли, с детства боюсь, а когда они на меня всем весом падают — так вообще.

— Что у тебя все-таки случилось, золотце? — позвал Даник.

Я вздохнула, возвращаясь в жестокий мир настоящего.

— Новенького привели, — выдала обреченно. И тут же запила горе очередной стопкой.

— Аудит? — нахмурилась Сташи.

Мотнула головой:

— Это у вас аудит, а у нас — проверки. Но он вроде не по этой части. Если верить мэтру Сингуру — сторонний наблюдатель.

Парень аккуратно, двумя пальцами потер переносицу.

— Так, напомним: Сингур — это такой пухлячок-бюрократ из штаба?

— Побольше уважения, Даник! — возмутилась Сташи. — Это сейчас он пухлячок, а раньше был весьма талантливым пехотинцем.

— И что случилось?

Я подперла кулаком щеку.

— Да какая-то неприятность с коленом...

— погоди! — со странным выражением на лице перебил Даник. — Дай я перефразирую: его перестала звать дорога приключений, когда ему прострелили колено?!¹

— Вообще-то обе коленные чашечки, — поправила я. — Он был в плену, его пытали. Не понимаю, что здесь смешного.

— Ну да, конечно. — Под нашими со Сташи пристальными взглядами парень закашлялся и вновь попытался вернуть лицу серьезное выражение. — Давай вернемся к твоему наблюдателю. Как он?

— В смысле? — не поняла я.

— Как выглядит, сколько лет?

— Да под сотню уже.

— Хм... ну да, — скривился Даник. — С таким особо не торгуешься. Старички — они бывают очень преданы своему делу.

— Эй! — недовольно хлопнула Сташи ладонью по стойке. — Ты не путай. Он оборотень, а не человек. Дели на три.

— И что будет, если разделю? — не сообразил парень.

— Узнаешь реальную изношенность организма, — с умным видом объяснила врач. — Вот наша Джейн, например. Ей уже шестьдесят шесть, а выглядит как на двадцать пять! Убила бы за такую возможность...

---

¹ Отсылка к игре «Skyrim». Такими словами там оправдывался буквально каждый стражник в городе.

И эти два чудика уставились на меня с откровенно гастрономическим интересом. Как будто всерьез размышляли, добавит ли им мое расчленение пару лишних годков.

Я тоскливо провела пальцем по ободку стопки.

— Ничего не выйдет.

— В смысле? — удивился Даник.

— Ты ведь сейчас думаешь, станешь ли оборотнем, если я тебя укушу? Нет, не станешь. Это обычная городская легенда. Оборотнем нужно родиться.

Даник разочарованно поморщился и отвел глаза.

— Ничего подобного я не думал, — пробормотал он с видом «жизнь несправедлива». — Ты так говоришь, как будто мы с тобой пять дней знакомы! Давай лучше вернемся к твоему новенькому. Как, ты сказала, его зовут?

— Я не говорила, — скривилась от мысли о гаденыше. — Фенрир Тант.

И запила еще одним глотком. Сразу стало легче. Отлично! Значит, план такой: следующие три месяца буду пить всякий раз после произношения этого имени. Долой раздражение и грусть! Стану веселым беззлобным алкоголиком.

— Как он выглядит? — требовательно дернула меня за плечо Сташи. Кажется, она тоже успела отхлебнуть из моей бутылки. Я грозно посмотрела на бармена — тот виновато развел руками: мол, простите, мэтр, не уследил.

— Ну, значит, так! — Я решительно отодвинула бутылку подальше от загибающих ручек уже малость «поплывшего» медика (и это взрослая замужняя женщина с двумя детьми!). — Уродец страшный!

— Правда? — с явным огорчением протянула Сташи. — Так уж и уродец?

— Ага! — кивнула я, радуясь шансу хоть как-то подгадить Фенриру. — Нос — во! — изобразила рукой клюв птицы-тукана. — Зубищи — во! — клацнула сведенными ладонями на манер капкана. Хотя это была страшилка специально для Сташи — я-то считала, что крупные зубы для волка завсегда плюс. — И глаза: голубые-голубые! Аж противно.

— Голубые? — удивилась подруга. — Аномалия, что ли? Генная мутация какая-то?

— Разве у оборотней бывают глаза не желтого цвета? — поддакнул Даник.

Я уныло подтянула солнцезащитные очки повыше на переносицу.

— Он чертов аристократ, — сказала так, будто это должно было все объяснить. Естественно, никто ничего не понял. Пришлось вдаваться в подробности. — Ну вы же знаете, что у оборотней есть две основные правящие династии: аристократы и военные? Как, например, ваши радикалы и консерваторы: те же лоббирование собственных интересов, вечная борьба за власть и перевыборы каждые десять лет.

Друзья с умным видом кивнули. Я продолжила:

— Но у вас говорят: «Кто в молодости не был радикалом — у того нет сердца, а кто в зрелости не стал консерватором — у того нет ума»¹. А у нас партия — это на всю жизнь. С раннего детства нас обучают так, чтобы мы были достойными представителями своей группировки. И как раз в этом кроется отличие. Воины учатся создавать единый облик, собирая лучшее и от человека, и от волка. Потому я могу обратиться практически любую часть своего тела, но уже лет тридцать не превращалась в зверя полностью. А вот аристократы наоборот: доводят до совершенства каждую из своих ипостасей.

— Но почему? — удивился Даник. — Неужели так сложно научиться и тому, и другому?

Внимательно посмотрела на него поверх очков: забавный человечек. Он всерьез считает, что за столько веков ни одному оборотню не пришла в голову эта «гениальная» идея?

— Сложно, — ответила, подпирая щеку ладонью. — Знаешь, сколько лет нужно тренироваться, чтобы научиться оставлять одно ухо волчьим, а второе — человеческим? Вот то-то! У меня ушло почти пять. И еще столько же, чтобы довести это умение до автоматизма. До уровня интуиции. Чтобы делать, почти не задумываясь. И это — только одно ухо! А ты прикинь, сколько у меня всего частей тела? Да еще эта прокачка дополнительных умений...

Сташи вздохнула с такой горечью, будто это ей пришлось пережить сорок два года скучных ежедневных тренировок, и попыталась отобрать у меня бутылку. У меня! Мое ядреное пойло. Хорошо же ее развезло от одной-то стопки.

---

¹ Высказывание принадлежит Уинстону Черчиллю.

— А почему вы вообще раздельно обучаетесь? — видя, что маневр с захватом не удался, спросила она.

Я пожала плечами:

— Ну, обучение ведь зависит от целей? А они у нас разные. Ты ведь в курсе, что последние семьдесят лет у руля стояла партия воинов? Почему так? Да потому что люди без конца воевали. И оборотни выбирали тех правителей, которые могли бы в случае чего их защитить. Оградить от войны. Ну или победить в ней, если все-таки пришлось бы вмешаться. А кто лучше всего мог это сделать? Конечно, тот, кто сильнее, быстрее, ловче. Кто пользуется преимуществом обеих ипостасей и в течение многих лет создавал себе репутацию отличного солдата.

Я помолчала, думая, допивать остатки самогона или мне уже хватит на сегодня. Решила, что — нет, не хватит, икнула в подтверждение и продолжила:

— А в последнее время в Союзе воцарился мир, и к власти тут же пришли аристократы. Политики. Способные просочиться в человеческий парламент и представлять интересы нелюдей не оружием, а, так сказать, силой слова. Они все время на виду, и им ну никак нельзя случайно отрастить себе волчьи уши перед камерой. Эх...

Я с несчастным видом уткнулась лбом в столешницу.

— Все ведь так хорошо шло! Ну как воины могли продуть эти проклятые выборы?!

Даник со Сташи переглянулись поверх моей головы.

— Золотце, но это ведь еще не конец света, — попытался утешить меня парень.

Я упрямо поджала губы:

— Конец! Потому что эти аристократические сволочи сейчас всюду пытаются всунуть свой нос. Застолбить позиции. Даже до меня добрались. А у меня мама — аристократка, так что я отлично знаю, что ничем хорошим этот их «наблюдательный визит» не закончится.

Сташи всхлипнула (она когда выпьет, всегда такая жалостливая становится) и погладила меня по голове. А Даник решил, что раз уже разбередил мои раны, то нужно выяснить все до конца:

— А чем может закончиться?

Я резко выпрямилась:

— Группу мою заберут. А меня... хорошо, если просто уволят. У аристократов знаешь какая строгая гендерная иерархия? В их понимании место волчицы — кухня и спальня. Главная обязанность — быть красивой. И молчать в тряпочку. Потому моя мать и занудствует со свадьбой: она просто не представляет, как ее дочка может желать чего-то другого! У воинов все иначе. У нас нет этого «леди» и «лорд». Только «мэтр» — бесполое существо в форме.

— Так вот почему тебя это обращение так бесит! — воскликнул Даник.

Господи боже, он прозрел! И с этим человеком я знакома семь лет...

— Представь себе! — буркнула сквозь зубы. — И Фенрир, сукин сын, это тоже прекрасно понимает!

— Слушай, я все-таки хочу увидеть этого гада! — воскликнула Сташи. — Хочу знать врага лучшей подруги в лицо!

— А ты запроси поиск «Фенрир Тант». — Я залпом проглотила еще одну порцию чудодейственного снадобья и поняла, что идея с именем была отличной — от него уже даже не тошнило. Зато, кажется, начало подташнивать от самого снадобья. — В сети его фоток полно.

Даник со Сташи дружно подняли головы и уставились перед собой стеклянными глазами.

«Пошли шерстить сеть, — поняла я. — Счастливые обладатели модифицированных хрусталиков. Три минуты — и ты знаешь обо всем на свете».

Сташи справилась быстрее. Уже через полторы она вынырнула обратно в реальный мир, хлопнула ресницами и выдала во все горло:

— Да он же красавчик!

Я метнула в нее разъяренный взгляд и гаденько улыбнулась в ответ:

— А зубы-то все равно — во!

Фенрир Тант

«Джейн Доусон, старший сержант. Возраст — шестьдесят шесть лет. Позывной: «Волк». Лидер группы «Охотники». Одно ранение, медицинская справка прилагается. Срок службы в МАРАП — двадцать три года. Список заданий...»

Я в третий раз читал этот файл и все сильнее убеждался: день, когда стаю поведет волчица, станет днем начала конца истории оборотней. Восемь лет Джейн Доусон руководила группой, и за это время ее лучшим достижением стало то, что она смогла ее собрать.

«Мы не штурмовой отряд, лорд!» — заявила она. Ну, конечно! А МАРАП — эта такая благотворительная организация, которая занимается исключительно поисково-спасательными операциями. Ей вообще не нужно зарабатывать деньги, она на карму работает. Оружие, снаряжение, транспорт — это все дается бесплатно, в любых количествах. Бери — не хочу.

И леди еще удивляется, что к ним приставили меня! Женщины...

Хотя нет — не леди. Мэтр! Дочь воина, юная генеральша. С подачи отца пошла в армию, получила звание. С его же благословения собрала группу. Теперь вот качает права, а сама даже цвет глаз корректировать не научилась. И это при том, что десять лет жила среди людей. Интересно, они там все слепые были, раз не смогли ее вычислить? Или это только при мне у нее чувство самообладания куда-то пропадает?

Но это не суть важно. Если все пойдет как надо, через три месяца Джейн Доусон завершит свою бестолковую карьеру в МАРАП, а ее группа перейдет под мое непосредственное руководство. За этот срок я должен успеть познакомиться с командой, узнать сильные и слабые стороны ее членов и понять границы их возможностей. Не думаю, что это сложная задача. При моем уровне доступа потеснить волчицу можно было бы недели за две. И только из уважения к команде мы решили не спешить. Все-таки первый случай подобного симбиоза. Не хочется рисковать понапрасну.

Я пробежал глазами по файлам: «Суккуба», «Змей», «Водяница», «Хамелеон», «Баньши», «Заклинатель»... полностью укомплектованный отряд. Сюда бы еще пару волков для поддержки, и ему бы цены не было.

— И еще ты... — Я открыл последний файл. — Кира Пшота. Кто ты такая, солдат? Откуда взялась? И почему мне известно о тебе так мало?

У девчонки ни семьи, ни друзей, и биографии — на сорок строк. Как такое вообще возможно в наш век? Она словно

вчера родилась, но даже в таком случае о ней было бы больше данных. Темная лошадка, спрятавшаяся на виду у всех. И позывной у нее такой же непонятный: «Мистик». Что он может значить?

Ну да ладно. Завтра будет новый день. И наша первая встреча. Думаю, даже леди Доусон понимает, что все ее тайны вскоре сделаются явью, и не станет противиться судьбе. А значит, я смогу получить от нее ответы на все вопросы. И наше сотрудничество будет плодотворным и приятным. Пускай и крайне недолгим.

ГЛАВА 2

Не доверяйте женщинам.

N.N.

Когда ругаться нету сил, идет на помощь сковородка.

Георгий Александров

Джейн Доусон

Утром я минут пятнадцать простояла у зеркала. Много думала. Вспоминала вчерашнюю попойку, радовалась, что на оборотней слабо действует алкоголь и от всего сердца сочувствовала Сташи. Мало того что бедняжка сейчас мучилась похмельем, так еще и под аккомпанемент ругательств любимого супруга. Он у нее такой нудный: никогда не откажет себе в удовольствии погундосить. И не только в адрес жены: нам с Даником тоже частенько перепадало. Особенно мне. Меня он как будто вообще на дух не переносит. Наверное, из-за очков. Я его пару раз хорошенько шуганула, когда среди ночи доставляла Сташи домой. Ну а вы сами представьте: ни зги не видно, вы двери открываете — на вас падает тело, причем в таком состоянии, будто померло еще вчера. А за телом стою я. Одуванчик. В смысле: длинная, худая и на голове куст. В темных очках. Хм... а ведь молодец у Сташи муж: до сих пор не поседел!

Я повертела в руках очки, нацепила их на нос, повернулась перед зеркалом и так и эдак.

— А может, мне просто везет на шовинистов, — предположила вслух — не так уж страшно я и выглядела.

Хотя тут еще вопрос: кому с кем не везет. Муж Сташи всерьез считает, что пострадавшая сторона — он, потому что я спаиваю его жену. А я вот не в восторге от того, что его жена ворует у меня выпивку, но разве можно ему это доказать?

— Ох уж эти мужчины... — протянула, качая головой. — Вечно считают, что женщина неспособна самостоятельно принять решение. Делаешь что-то правильно — значит, тебе кто-то помог. Где-то ошиблась — тебя кто-то подбил! Ничего не делаешь... все равно найдут, к чему придраться. И это люди! Об оборотнях и говорить нечего: сплошная дискриминация.

Я быстро провела гребнем по волосам, со вздохом удостоверилась, что красивее они от этого не легли, и покинула квартиру.

— Ничего! — утешила сама себя. — Я им еще покажу, как волки на луну воют! Хотя — нет, не им. С мужем Сташи пускай сама разбирается — это ее персональный крест. А вот с Тантом у меня счеты, и я его научу женщин уважать. Ибо не-фиг быть таким гадом!

Правда, пока я по пробкам добралась до работы, злость немного утихла. Воевать хотелось уже не так сильно. А вот отделаться от проверяющего малой кровью и снова вернуться к любимому занятию — еще как! Потому из машины я вышла с очень миролюбивой мыслью: «Ладно. Если Тант не будет нарываться — я постараюсь быть с ним милой. В конце концов, он же не виноват, что родился аристократом?»

Даже смогла изобразить на лице некое подобие улыбки. Потом вошла в кабинет.

— Леди Доусон?

Вы свидетели — я пыталась!

— Мама?! — завертелась по сторонам. — Мама, где ты? Выходи, лорд Тант тебя уже увидел и не хочет выглядеть глупо!

Волк сделал вид, что не понял.

— Вас сегодня навещает мать? — с непроницаемым лицом удивился он. — С радостью с ней познакомлюсь!

— Не возражаю! — ощерилась в ответ. — Можете остаться здесь и подождать ее!

Когда там в последний раз мама приезжала ко мне на работу? Ах никогда? Ну надо же, какая досада. Я обязательно «вспомню» об этом через недельку. Или две. Интересно, очень ли странно будет выглядеть, если я дверь кабинета снаружи чем-нибудь подопру? Ну чтобы Тант наверняка дождался? Не маму, конечно, я не настолько жестока. Но слегка похудеть ему бы не повредило — я с удовольствием посмотрела бы на торчащие кости.

Передумала только потому, что стало жалко пальму. Растение стояло в углу и было единственной съедобной штукой в кабинете. Не то чтобы оборотни сильно любили зелень, но когда выбирать не приходилось — могли и пальму обглодать. А я к этому деревцу привязалась — мы с ним десять лет бок о бок прожили. И совесть не позволила отдать его на растерзание Фенриру.

Я подхватила со стола старенький планшет и подняла на волка тяжелый взгляд:

— Вы собирались познакомиться с командой или все же будете караулить леди Доусон?

Тант с непроницаемым лицом молча встал за моим плечом. Так мы и явились к месту сбора — на огромный тренировочный полигон МАРАП. Здесь было все: тир, бассейн, тренажерный зал, боксерский ринг, стадион с беговыми дорожками и кортами, массажный кабинет и еще много чего, что могло пригодиться солдатам для поддержания себя в форме. Здесь проходили внутренние соревнования между подразделениями, здесь же сдавались нормативы и зачеты. И конечно, именно с этого полигона начинался рабочий день тех нелюдей, которые по какой-то причине оставались в штабе. Как вот мы, например.

Свою группу я отыскала в подвале, рядом с тиром. Ребята столпились у дальней стены врачебного кабинета, на которой был развернут голографический экран времен самого Колчака (судя по качеству изображения), и что-то негромко обсуждали.

Я подошла ближе. Пригляделась: на экране развернули один из визуализированных космических снимков. Кто-то способен разглядеть на таких бесконечное величие Вселенной, но я, как барышня неромантическая, вижу только белые точки на черном фоне. Без наложенных координат вообще ничего не понятно. Но народ при этом тарасился так, будто на снимке была изображена как минимум неизвестная доселе планетарная туманность. Это не могло меня не заинтересовать. Потому я подошла еще ближе, улыбнулась и сказала первое, что пришло в голову:

— Горизонт завален.

— И тебе с добрым утром, — не оборачиваясь, мрачно ответил Касиус. — Новость слышала?

Попыталась вспомнить, узнавала ли я в последнее время что-то настолько плохое, чтобы при мысли об этом наш обычно добродушный Заклинатель становился брутальным и строгим:

— Похоже, что нет.

Мужчина ткнул пальцем в правый верхний угол фотографии:

— Видишь эту галактику? Там была пригодная для жизни планета.

— По-настоящему пригодная или один из этих камешков с искусственной атмосферой?

На меня уставилось несколько пар удивленных глаз.

— А что ты имеешь против искусственных атмосфер? — удивился Хамелеон.

Я поежилась, вспоминая одно из последних заданий. Тогда пришлось доставлять важную посылку как раз на такой вот модифицированный спутник.

— То, что там собачий холод! И дикий ветер.

— Зато есть воздух, — возразила суккуба: сегодня она была в женском облике.

— Который уносит тебя в неведомые дали, ага, — буркнула я. — Так что с планетой?

— А нет больше планеты. — Вейлинг, или Водяница, если попроще, сделала скорбное лицо. — Точнее, планета есть и атмосфера тоже, но все население куда-то исчезло. Не иначе как происки бестелесных!

Я мысленно выругалась: вот это действительно плохие новости!

— Что это за сектор?

Касиус молча указал на цифры в самом низу экрана, я прочитала и выдохнула: далеко! Это успокаивало. Конечно, ничего хорошего в исчезновении населения целой планеты быть не могло, и тут не важно, как близко к нам находился этот объект. Но в случае с бестелесыми все могло быть гораздо хуже. В этой ситуации новость об окраине уже могла считаться хорошей.

Бестелесые — это бич и кошмар нашего времени. Непонятно, что им нужно, откуда они взялись и куда деваются после нападения. Никто не знает, как они путешествуют и почему именно таким образом. Их даже не видел никто! Собственно, поэтому их и называли бестелесыми. Половина из того, что мы о них знаем, — неподтвержденные теории и догадки, вторая половина — вообще сплошная фантазия. В прошлом тысячелетии люди с подобным жаром обсуждали Бермудский треугольник и чупакабру. В нынешнем нашли новое «увлечение». Кто-то в бестелесых не верит. Некоторые (как вот я, например) не верят громко, пытаясь убедить в этом остальных. Но даже мы вынуждены признать: люди пропадают. Нелюди тоже. Не остается ни трупов, ни разрушений, ни запахов — ничего! Просто в один миг куда-то деваются экипажи кораблей, команды разведывательных отрядов и даже население маленьких планет. На столах остаются недоеденные пончики, чайники пыхтят, вновь и вновь подогревая воду, пока она окончательно не испарится, машины выполняют команды, и жизнь как будто идет своим чередом. Только без нас. Как это объяснить, пока не придумал никто. Так же, как никто не знает, как это можно предотвратить или спрогнозировать. Неудивительно, что каждая новость о бестелесых — правдивая или очередная «утка» — собирает народ у экранов и заставляет говорить шепотом, ежась от страха. Но уже через пару часов все возвращается на круги своя. Да уж... мы отлично научились не замечать то, чего боимся. И делать вид, что того, с чем мы не можем справиться, попросту не существует.

Вот и сейчас я окинула взглядом команду и поняла, что пора их расшевелить.

— Народ, — позвала, хлопнув в ладоши и буквально в ключья разорвав повисшую в кабинете напряженную тишину. — У нас новенький.

И добавила про себя: «Кто желает свежего мяса?»

Нелюди обернулись. Внимательно посмотрели на Фенрира. Потом на меня. Снова на Фенрира. И дружно спросили:

— Волк?!

Тут нужно объяснить. Я уже давно пыталась затащить в команду еще одного оборотня. Это было бы очень ценное приобретение, укрепляющее наш маленький отряд. Волки ведь по сути своей охотники. Мы умеем выслеживать добычу, загонять ее, устраивать засады и коллективно добиваться результата — это у нас в крови. Но такие плюшки достаются только тем, кто охотится в стае. Один волк в поле не воин. Я, конечно, очень стараюсь, но вынуждена отказываться от некоторых заданий просто потому, что не могу раздвоиться. А мои ребята хоть и профессионалы, но в деле охоты лучшее, что могут сделать, — это не мешать.

К сожалению, это понимаю не только я, но и мэтр Сингур. Он даже как-то поставил мне ультиматум: либо я беру в команду второго волка, либо — на фиг с пляжа. Чего я только не выдумывала! Облазила всех знакомых. И даже к чужакам не побрезговала обратиться. Я упрашивала, я шантажировала, я сулила все мыслимые и немыслимые блага — ничего не помогло!

«Волчью стаю должен возглавлять крупный сильный самец, — говорили мне. — Уступи место вожака, и мы придем».

Я сдалась на пятнадцатой попытке. К тому моменту мне восемь раз предложили очень выгодные брачные узы, один раз пообещали пожаловаться отцу и еще один — натравили братьев, в голос воющих о том, что их сестра уже всех достала.

Так бы и гулять мне на свободе без звания и формы, если бы не счастливый случай по имени Ревус. Полузмей-получеловек оказался мастером боевых искусств, да с такими потрясающими ядовитыми зубами, что я сумела доказать Сингуру его абсолютное превосходство над волком. О том, что Змей — ярый пацифист, которому религия не позволяет причинять боль живому существу без крайней необходимости

сти, решено было мэтру не говорить. Кстати, Ревус до сих пор не догадывался, за какие заслуги его взяли на работу в такую престижную организацию. Он же до встречи со мной ночевал под мостом и вообще — усиленно косил под женщину: прятал под длинными юбками нижнюю часть тела — огромный змеиный хвост. Но это, что называется, была судьба. Ибо в МАРАП я его устроила от безысходности, но сейчас просто не знаю, что бы без него делала. Очень уж полезным оказался тот, кто благодаря особенному строению организма был способен пробраться в любую щель.

И вот теперь, после всех пережитых нами перипетий, перед моей ошеломленной командой стоял волк.

— Настоящий? — с недоверием спросил Касиус.

— А это мы сейчас выясним, — мурлыкнула Эйва и пошла в разведку. Я присела на краешек стола и в который раз поймала себя на мысли, что не смогла бы так влиять бедрами, даже если бы моя левая нога была на пять сантиметров короче правой. Вот что значит талант суккуба.

Эйва подплыла к Фенриру, тряхнула гривой ярко-рыжих волос и с чувством провела ладонью по его груди. Волк скосил глаза, натянуто улыбнулся, но не отступил. Похвально. Смелый мальчик. Я бы от суккуба бежала со всех ног. Они ведь специализируются на соблазнении. Прижаться пышной грудью, надуть губки, хлопнуть ресничками, вывести из состояния душевного равновесия, а потом поцеловать. И все — ты в нокауте. А если хорошенько приложится — нокаут перетечет в кому. Потому что в слюне суккуба содержится яд, противоядия к которому до сих пор не существует.

— Скажи-ка, волк, — глубоким урчащим голосом спросила Эйва, заглядывая Фенриру в глаза, — ты к нам надолго?

Тант сглотнул, титаническими усилиями воли удерживая на лице маску вежливого внимания, но решил-таки выбираться из цепких ручек красивой женщины (или мужчины — для суккуба смена пола — дело трех секунд). И где-то я его даже понимала! Но это вовсе не означало, что ментальная атака, которой Фенрир решил отбиться от нашей штатной шпионки, показалась мне удачной идеей. Да это просто неприлично — влиять на эмоции тех, с кем познакомился пять минут назад!

Волк чуть заметно нахмурился, когда понял, что его попытка провалилась. Я мягко улыбнулась из-за широкой спины Касиуса.

«Да, это была я, — подтвердила взглядом. — А ты чего хотел? Играть на моем поле и чтобы я не вмешивалась? Облезешь! Назвался подчиненным — терпи и подчиняйся! И не стоит бить по площади — я на волну своих ребят несколько лет настраивалась. Мне «цунами» чужака перехватить не сложно. Даже такое мощное. Пошел вон, эмпатишка!»

— Лорд Фенрир Тант, — сказала вслух, отвечая на вопрос Эйвы, — будет с нами три месяца. Исключительно как сторонний наблюдатель.

— Лорд? — обернулся Касиус. — В смысле аристократ?

Я кивнула. Заклинатель Касиус был инопланетянином, но отлично разбирался в жизни земных нелюдей. Как он говорил, ему это всегда было интересно. Причем настолько, что сначала я думала: он шпионит на благо родного народа. Потом поняла, что интересующие Касиуса детали никакому народу не пригодятся, и успокоилась. Тем более что избавляться от Касиуса было жалко. Ибо он — наш «танк». Тот самый штурмовик. Два двадцать ростом, полтора центнера весом (ни грамма лишнего жира) и плечи как у откормленного гризли. А еще длинные волосы до пояса и лицо с такими классически правильными чертами, что завидует порой даже суккуб. Неудивительно, что наш второй «танк» — Лакшми — выбрала предметом своей страсти именно Касиуса. И ушла бы следом за ним.

Кстати, Лакшми на Фенрира смотрела с еще большим подозрением, чем я. Потому что в отличие от меня она — до мозга костей феминистка (а я — просто жертва обстоятельств). Причем не только по характеру, но и по вере.

Когда-то давно, как она сама любит выражаться, «в прошлой жизни», Лакшми принадлежала к секте индийских тугов и поклонялась богине Кали: суровой, жестокой и кровавой покровительнице смерти. Своим приспешникам Кали велела приносить человеческие жертвы. И чем больше — тем лучше. Она не позволяла трогать только детей, женщин и почему-то плотников. Остальных культ уничтожал. Говорят, туги появились в Индии много веков назад и

за это время убили больше пяти миллионов человек. Почему Лакшми от них ушла, я так и не узнала. Она не захотела рассказывать, а я не решилась настаивать. Просто посмотрела на нее и подумала: «Не стоит судить о человеке по его прошлому. Главное то, какой выбор он делает сейчас!»

А поскольку сейчас Лакшми не бросалась на встречаемых мужчин со своим любимым BFG, я успокоилась. Хотя надо признать: с ее приходом в группу мы все внезапно заинтересовались поделками из дерева. Просто на всякий случай. А может, дело было еще и в том, что Лакшми выглядела как женская версия Касиуса — тоже высокая, широкоплечая и мускулистая? Или в том, что она была способна убить человека голосом, за что ее и прозвали «Баньши»?..

И вот сейчас эта миловидная и очень сильная дама смотрела на Фенрира пристальным взглядом ярко-карих глаз, и по ее лицу можно было прочесть: «А умеешь ли ты, незнакомец, работать с плотническим топором?»

И чуть пониже: «Надеюсь, что нет! Бухаха!»

На одно мгновение я Фенриру даже посочувствовала. Но потом вперед выступил Хамелеон — наш самый компактный член команды: невысокий худощавый кореец по имени До Фан Джун — и задал вопрос, который быстро напомнил мне, кто здесь враг.

— Я прошу прощения, — спросил он. — Но почему наблюдателем нашей группы сделали именно оборотня-аристократа?

— Да, — ласково улыбнулась я. — Мне это тоже интересно. Почему вы, лорд Тант, оказались лучшей кандидатурой для группы охотников?

— И не будет ли благородный лорд нас тормозить? — грубовато добавила Лакшми.

— Да что вы прицепились к бедному парню! — возмутилась Эйва. — Вам же сказали: он только наблюдатель! Кто отправляет наблюдателей участвовать в операциях? Он будет сидеть на орбите, в защищенном и скрытом от глаз врага корабле, и терпеливо ждать нашего возвращения.

Фенрир чуть заметно нахмурился и попытался выкарабкаться из объятий суккуба.

— Я не бедный парень, и я точно не буду ждать вас на орбите, — сказал он, аккуратно снимая с себя руки Эйвы. Вер-

нее, пытаюсь их снять, потому что, когда суккуб не хочет тебя отпускать, легче отгрызть собственную конечность, чем разжать хватку.

Хамелеон удивленно приподнял брови:

— Вы останетесь на Земле? — и обернулся ко мне с невыказанным вопросом в глазах: «Зачем ты тогда вообще нас познакомила?»

Я мысленно вздохнула: если бы все было так просто!

— На следующие три месяца лорд Тант станет действующим членом нашей команды, — объяснила ребятам. — Как это ни печально, но он будет принимать непосредственное участие в операциях. Чтобы, так сказать, следить за нами изнутри. И вы сами понимаете, что это означает.

— Да! — Лакшми поднялась на ноги и с недовольным видом скрестила руки на груди. — Это означает, что он — груз! И мы будем тащить его на себе.

Я улыбнулась, глядя, как лицо Фенрира теряет свою хваленую невозмутимость.

— Я участвовал в трех последних войнах Союза, — отрезал он, рывком сбрасывая с себя кольцо из рук Эйвы. — Двадцать пять лет отдал служению Национальной Гвардии ВВС. Награжден Крестом военно-воздушных сил за взятие Крит-Тории. Я не буду обузой!

Ого! Медаль за особый героизм. Странно, что в файле Танта о ней не было ни слова. Возможно, причина в том, что официально нелюди отказываются признавать свое участие в битве под Крит-Торией. А как иначе, если в результате слишком рьяного сражения атмосфера планеты была практически полностью уничтожена и прекрасная плодородная Крит-Тория превратилась в кусок космического мусора?

— Так вы, получается, настоящий боевой офицер? — с куда большим энтузиазмом уточнил Хамелеон. — И звание получили не за выслугу лет?

Я закатила глаза: вот вечно он так! Чуть что интересное увидит — за уши не оторвешь. Теперь будет ходить за Тантом хвостом и выспрашивать подробности «подвига». А еще попытается устроить вечеринку. И почему этому корейцу дали позывной «Хамелеон»? Надо было плюнуть на его уме-

ние маскироваться и обозвать «Тамадой». Попали бы в самую точку.

— Мы просто обязаны как следует поприветствовать нашего нового товарища! — обернулся он ко мне. Губы Фенрира вновь растянулись в улыбке, от вида которой мне захотелось макнуть его в бочку с водой. Как глупую курицу. В голову пришло воспоминание о том, как мы почти неделю праздновали взятие в команду Киры. Причем сама Кира удрала к себе уже через три часа, я сдалась на третий день, а самый крепкий Касиус выдержал ровно пять с половиной. Последние полтора дня Хамелеон «отгулял» в гордом одиночестве, выхлебав такое количество спиртного, каким можно было уложить в реанимацию троих волков. А Кира, по-моему, его до сих пор слегка побаивалась.

Мысль о девочке заставила меня поднять голову и найти ее взглядом. Ах, Кира, моя маленькая тайна. Еще одна причина того, почему я не хотела видеть Фенрира в нашей группе. Она смотрела на меня огромными испуганными глазами, закусывала от волнения губы и была совсем не похожа на того воина, который просыпался в ней всякий раз, стоило нам приступить к очередному заданию. Куда потом девался этот универсальный солдат, способный использовать практически любое стрелковое оружие, начиная от арбалета и заканчивая новомодными бластерами? Сейчас передо мной стояла девочка с длинным темным каре, челкой, нависающей над глазами, и контактными линзами, скрывающими ее яркие лиловые глаза, но не способными скрыть панический страх разоблачения.

«Не бойся! — мысленно сказала я ей. — Я сумею тебя защитить!»

«А кто защитит тебя?» — с долей отчаяния спросил ее взгляд. Я кровожадно улыбнулась: «А меня не нужно защищать! Это вон ему скоро понадобится помощь!»

И с грозным оскалом обернулась к Фенриру:

— Вы примете участие в нашей тренировке? — предложила таким любезным тоном, от которого поежилась даже Лакшми. — Чтобы мы смогли увидеть и оценить ваши несомненные таланты.